

Автор: Джон Стейнбек

Название: «Русский журнал. Глава 9.»

Москва была в состоянии лихорадочного движения. Большие группы людей украшали здания огромными плакатами и портретами национальных героев длиной в несколько акров. На мостах были установлены электрические световые шары. Стены Кремля и его башни, и даже его зубчатые стены были обрисованы электрическими огнями. Каждое общественное здание было освещено прожекторами. На каждой городской площади были установлены площадки для танцев, а на некоторых площадях – маленькие киоски, сделанные в виде русских сказочных домиков для продажи сладостей, мороженого и сувениров. Специальное маленькое свисающее металлическое украшение в петлице было официальным, и каждый носил одно из них. Делегации из многих стран прибывали почти каждый час. Автобусы и поезда были перегружены. Дороги были полны людей, ехавших в город, везущих не только одежду, но и еду на несколько дней. Они так часто были очень голодны, что не рискуют: когда в дороге, каждый несет с собой несколько буханок хлеба. На каждом здании были флажки и бумажные цветы. У частных комиссариатов были свои вывески на зданиях, в которых размещались их офисы. Фонд метрополитена вывесил огромную карту московских метрополитенов, а в нижней части - маленький поезд метро, курсирующий взад-вперед. Это привлекало толпы людей, которые глазели на это весь день и до поздней ночи. В город въезжали фургоны и грузовики с продуктами питания, капустой, дынями, помидорами, огурцами - подарками коллективных хозяйств городу к его восьмисотлетней годовщине.

Каждый на улице носил какую-нибудь медаль или ленту, или украшение, напоминающее о войне. Город кипел от активности.

Я пошел в редакцию «Геральд трибьюн» и нашел записку от добродушного Джо Ньюмана. Его задержали в Стокгольме, и он попросил меня осветить вечеринку для «Геральд трибьюн», так как он не смог вернуться, чтобы сделать это.

Капа лихорадочно работал над своими фильмами, сам критиковал все: свою работу, качество проявки. К этому времени у него накопилось огромное количество негативов, и он часами просиживал перед окном, просматривая их и ужасно ворча. Все было не так, все было неправильно.

Мы позвонили мистеру Караганову в офис «Вокс» и попросили его выяснить, что именно нам нужно сделать, чтобы вывезти фильмы из России. Мы подумали, что может быть

какая-то цензура, и хотели заранее знать, что это такое, чтобы мы могли подготовиться к ней. Он заверил нас, что немедленно приступит к работе над этим и даст нам знать.

Вечером перед празднованием мы были приглашены в Большой театр, но нам не рассказали, что будет. Из-за счастливой случайности мы не смогли пойти. Мы слышали позднее, что это было 6 часов выступлений, и никто не мог уйти, так как в правительственной ложе были члены правительства. Это была одна из самых счастливых случайностей, которая когда-нибудь происходила с нами.

Рестораны и кабаре были полны людей и многие из них были открыты для делегатов, приехавших из других республик Советского Союза и из других стран, так что мы даже не могли попасть внутрь. Дело в том, что было очень трудно поужинать тем вечером. Город был просто окружен толпой людей, и они медленно гуляли по улицам, останавливаясь на одной площади, чтобы послушать некоторое время музыку и затем пробираясь дальше, на другую площадь. Они смотрели, и шли, и смотрели. У деревенских жителей разбегались глаза. Некоторые из них никогда раньше не видели большой город, и никто никогда не видел город в таких огнях. На площадях были танцы, но не так уж много. Большинство людей шли и пристально всматривались, шли дальше и пристально смотрели на что-то еще. Музеи были так переполнены, что вы даже не смогли бы туда попасть. Театры были окружены толпами. Не было ни одного здания, на котором не висело бы хотя бы одно огромное изображение Сталина, а вторым по размеру было изображение Молотова. Далее были огромные портреты президентов разных республик и других героев Советского Союза, размер которых постепенно уменьшался.

Поздно вечером мы пошли на небольшую вечеринку в дом американского московского корреспондента, который уже много лет был в России. Он легко говорил и читал на русском языке, он рассказывал нам очень много историй о некоторых трудностях быта в современной России. А так же, как и в случае с сервисом в отелях, большинство трудностей возникало из-за неэффективности бюрократической системы - такое количество записей и бухгалтерии делало практически невозможным любой ремонт.

После ужина мы взяли книгу с его полки. «Я хочу, чтобы вы послушали это», - сказал он и начал читать медленно, переводя с русского. И он прочитал что-то вроде этого - это не точная транскрипция, но достаточно близко.

«Москвичи очень подозрительны к иностранцам, за которыми постоянно наблюдает тайная полиция. Каждое передвижение отслеживается и об этом сообщается в центральный

штаб. Слежка распространялась на всех иностранцев. Более того, русские не приглашали иностранцев в гости и они, казалось, даже очень боялись заговорить с ними. Сообщение, отправленное члену правительства, обычно остается без ответа, и еще одно сообщение также остается без ответа. Если кто-то проявляет настойчивость, ему говорят, что этот чиновник покинул город или болен. Иностранцам разрешено путешествовать в Россию только после больших трудностей, и во время путешествия за ними очень пристально наблюдают. По причине этой общей холодности и подозрительности иностранцы, приезжающие в Москву, вынуждены общаться исключительно друг с другом». Было еще много чего в этом духе, и в конце наш друг поднял голову и сказал: «Что вы думаете об этом?»

И мы сказали: «Мы не думаем, что вы сможете пройти мимо цензуры».

Он засмеялся. «Но это было написано в 1634 году. Это из книги под названием «Путешествия по Московии, Татарии и Персии», написанной человеком по имени Адам Олери». И он сказал: «Не хотели бы вы услышать отчет о Московской конференции?»

И он зачитал из другой книги что-то, похожее на это: «В дипломатическом плане с русскими очень трудно найти общий язык. Если кто-то представляет на рассмотрение план, они противопоставляют ему другой план. Их дипломаты не прошли подготовку на мировом уровне, но в основном это люди, которые никогда не покидали Россию. Действительно, русский, который жил во Франции, считается французом; тот, кто жил в Германии, считается немцем, а им дома не доверяют.

Русские не могут дипломатически действовать напрямую. Они никогда не доходят до сути, они аргументируют вокруг да около. Слова подбираются, меняются и бросаются, пока в конце концов результатом любой конференции не становится всеобщий конфуз».

После паузы он сказал: «А это было написано в 1661 году французским дипломатом Огюстеном, бароном де Майербургом. Это делает человека гораздо менее беспокойным в нынешних условиях. Я не думаю, что Россия сильно изменилась в некоторых аспектах. У послов и дипломатов из зарубежных стран здесь «взрывается мозг» уже шестьсот лет».